В.В. Крашенинников,
*к.и.н., доцент Брянского государственного
университета им. акад. И.Г. Петровского*

Современный взгляд на движение декабристов

Декабризм – одно из тех явлений русской общественно-политической жизни, которое получило самое широкое историческое истолкование. События 180-летней давности, когда в декабре 1825 г. руководители тайных обществ подняли солдат на вооруженное выступление против власти, а император Николай I был вынужден применить силу для подавления этих выступлений, в тридцатилетний период николаевского правления практически замалчивались. Ни известий о судьбах осужденных, ни даже сведений о снисхождениях к ним со стороны власти в печати не появлялось. Единственная книга барона М.А. Корфа, дававшая официальную интерпретацию событиям декабря 1825 года, была издана незначительным тиражом и предназначалась для служебного пользования.

В 1850-е гг. другая, зарубежная Россия в лондонских изданиях А.И. Герцена и Н.П. Огарева попыталась дать свою оценку деятельности декабристов, сначала напечатав книгу М.А. Корфа с собственными комментариями, а затем начав публикацию мемуаров и других документов самих декабристов. Именно проявившийся в этих публикациях подход, в значительной степени идеализировавший облик носителей декабристских идей, среди которых, несомненно, было немало умных, талантливых, нравственно привлекательных лиц, стал затем господствующим и среди либерально настроенных историков и публицистов, и среди широких слоев русской интеллигенции, видевшей в декабристах «первенцев свободы».

Однако были в это время и другие точки зрения. Вот только две из них. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский: «Декабристы – историческая случайность, обросшая литературой». Известный писатель и философ В.В. Розанов: «От 14 декабря 1825 г. до сейчас вся наша история есть отклонение в сторону... Зашли не в тот переулок и никакого дома не нашли... И пишут, и пишут историю этой буффонады».

Но, если в дореволюционной России апологетический взгляд на декабристов хотя бы отчасти уравнивался более сдержанными и критическими оценками, в первую очередь – со стороны консервативно-охранительных историков и мыслителей, то после 1917 года такого противовеса уже не было, а столетний юбилей выступления декабристов отмечался в 1925 г. на государственном уровне и сопровождался появлением многих публикаций по этой тематике. Именно в этом году был издан первый том многотомного издания «Восстание декабристов», которое остается важнейшим сводом документов по этой теме (последний XIX том издания вышел в 2001 г.).

Однако и в советское время отношение к этой теме не всегда было одинаковым. В 1920-е гг., когда еще сохранялись элементы преемственности в развитии российской исторической науки, немало публикаций о декабристах были достаточно объективными, без явной политизированности или идеологической заданности.

В 1930-е гг. возвеличение заговорщиков, руководивших вооруженными выступлениями против власти, могло восприниматься сугубо «бдительными» гражданами как попытка вредных политических ассоциаций, а дворянское происхождение декабристов, которые к тому же, по часто цитировавшимся словам В.И. Ленина, были «страшно далеки от народа», делало саму декабристскую тематику менее привлекательной. Впрочем, некоторые интересные работы появлялись и тогда (например, исследование Н.М. Дружинина о Никите Муравьеве).

Новым периодом значительной активизации изучения декабристской темы стали 1950-е гг., время 125-летия и 130-летия

вооруженных выступлений декабристов. Среди появившихся многочисленных изданий, подготовленных декабристоведами, по объему информации и широте анализа выделялась двухтомная монография М.В. Нечкиной «Движение декабристов», ставшая для многих последующих исследователей своего рода ориентиром. Сложившаяся в тот период концепция давала высокую оценку декабристам как первым сознательным русским революционерам, особо подчеркивая ведущую роль в движении наиболее радикально мыслящих представителей декабризма и в большей или меньшей степени отмечая слабости в мировоззрении и поведении представителей умеренного крыла, по принципу «чем революционнее – тем лучше».

Конечно, среди десятков кандидатских и докторских диссертаций, сотен монографий, тысяч статей, появившихся в 1950-1980-е гг. и посвященных декабристской тематике, было немало интересных работ, но их содержание и выводы в основном укладывались в достаточно жесткие рамки идеологически допустимых представлений и оценок. Значительный вклад в героизацию декабристского движения внесли и авторы историко-художественных произведений, в значительном количестве появившихся в эти годы, в частности, в известной серии «Пламенные революционеры».

В 1970-1980-е гг. одним из заметных направлений декабристоведения стало изучение его региональной истории. Появились отдельные работы, посвященные местам, где действовали декабристы (Петербург, Украина, Молдавия), где они отбывали каторгу и ссылку (Сибирь, Кавказ) или же местам, откуда они были родом. Наиболее ценной из подобных работ является издававшаяся в Иркутске многотомная серия «Полярная звезда», где каждый том (или двухтомник) посвящался одному из отбывавших ссылку в Сибири декабристов и содержал развернутую статью о его жизни и деятельности, а также написанные им мемуары, письма и другие сочинения.

В 1984 г. в Приокском книжном издательстве была выпущена небольшая книжка Владислава Сергеевича Пасина «Де-

кабристы Брянщины», остающаяся для читателей до сих пор основным источником информации по этому вопросу. Автор, по-настоящему увлеченный темой исследования, проделал большую работу по сбору и систематизации сведений о членах тайных обществ, связанных с Брянским краем, и дал достаточно яркие портреты своих героев. Конечно, как и у всякого первооткрывателя, у В.С. Пасина встречаются отдельные фактические неточности, есть элементы преувеличения роли наших земляков в описываемых событиях, но в целом он свою работу сделал добросовестно.

Позже и сам В.С. Пасин, и другие историки-краеведы, и отдельные журналисты продолжали обращаться к теме «Декабристы и Брянский край», хотя, наряду с привлечением новых интересных фактов, в отдельных публикациях встречались и явные ошибки, вроде той, что декабрист А.И. Тютчев и поэт Ф.И. Тютчев были родными братьями.

Последние десятилетия минувшего века и первые годы века нынешнего оказались не лучшим временем в изучении истории декабризма. Количество новых работ по этой тематике резко сократилось, но еще заметнее изменилась сама тональность в интерпретации рассматриваемых материалов. Если раньше была явной тенденция преувеличения заслуг декабристов, то сейчас маятник исторических оценок качнулся в противоположную сторону – принижения или даже очернения идей декабризма и людей, связанных с ним. Отдельные работы последнего времени еще сохраняют объективный исторический подход, с равной степенью заинтересованности рассматривая как сильные, так и слабые стороны мировоззрения и деятельности декабристов (таковы, к примеру, добротные по своему содержанию работы О.И. Киянской «Южный бунт», «Южное общество декабристов», «Пестель» и другие). Однако в последнее время преобладающее место в этой тематике начинает занимать литература, где главный лейтмотив – осудить декабризм как чуждое России явление или же представить декабристов как исполнителей воли более влиятельных сил в России или вне ее.

Названия некоторых наиболее значительных (по объему, а не по содержанию) работ говорят сами за себя: В.В. Крутов, Л.В. Шевцова-Крутова «Белые пятна красного цвета. Декабристы»; А.Ю. Щербаков «Декабристы. Заговор против России»; В.А. Брюханов «Заговор графа Милорадовича» и т.д. В многочисленных работах О.В. Платонова неоднократно муссируется идея об «антирусском заговоре декабристов-масонов» (именно так назван один из параграфов его книги «Криминальная история масонства»).

К сожалению, научный уровень подобных работ, как правило, невысок. «Разухабистый», ёрнический стиль А.Ю. Щербакова явно свидетельствует, что автор – не историк, а современный журналист средней руки, думающий, что «толпа все проглотит». О степени научной «объективности» О.В. Платонова можно судить хотя бы по такому примеру: в выпущенном под его редакцией обширном словаре-справочнике энциклопедического типа «Русский патриотизм» не нашлось места не только декабристам (это еще можно понять), но даже императорам Александру I и Александру II, которые, таким образом, оказались недостойными именоваться русскими патриотами в отличие от апологетически изображенных Николая I, Александра III, Николая II, а также третьестепенных деятелей черносотенной окраски.

Изменения в общественно-политической жизни страны повлияли и на характер издаваемых в последние годы мемуаров, в том числе – связанных с декабристами. К примеру, известный журналист Н.И. Греч в первой половине 1820-х гг. был близко знаком со многими будущими декабристами и посвятил им немало страниц в написанных позже «Записках» (не очень давно переизданных), в которых давались самые разные оценки этим людям – от положительных до резко негативных. Естественно, что в советское время подобные мемуары появиться в полном виде не могли.

Еще любопытнее ситуация с «Воспоминаниями» известного, но обычно обходимого молчанием декабриста Дмитрия

Завалишина. Не являвшийся членом тайных обществ и не участвовавший в вооруженных выступлениях декабристов, отпущенный после первого ареста, но затем вновь арестованный и осужденный на 20 лет каторги и последующее поселение в Сибири, Д.И. Завалишин отличался критичностью взглядов и оценок и по отношению к власти, и по отношению к собственным товарищам. После объявленной декабристам амнистии он остался в Сибири, но затем по просьбе местных властей выслан (уникальный случай!) из Сибири в Москву.

Именно такой неординарной личностью, умной, волевой, с высокими амбициями, но и с высокими нравственными требованиями к себе и к окружающим предстает Д.И. Завалишин и в своих «Воспоминаниях», впервые изданных уже после смерти автора в 1904 и 1906 гг., а затем в течение столетия не переиздававшихся в полном объеме и лишь в 2003 г. вновь увидевших свет, хотя в свое время Л.Н. Толстой назвал их «самыми важными» из всех воспоминаний декабристов. Дело в том, что даваемые Д.И. Завалишиным оценки движения декабристов и отдельных его участников нередко очень контрастируют с привычными концепциями и мнениями, что в его мемуарах нет той ретуши и глянца, которые явно чувствуются в других подобных воспоминаниях.

Для нас, брянцев, любопытны и сравнительно близкие связи Д.И. Завалишина с семьей Тютчевых. У матери будущего великого поэта Екатерины Львовны (урожденной – Толстой) была сестра, Надежда Львовна, с которой и решил связать свою судьбу отец Д.И. Завалишина, оставшись вдовцом. Таким образом, поэт Федор Тютчев и декабрист Дмитрий Завалишин оказались сводными двоюродными братьями, а сестра Дмитрия, Екатерина, вообще воспитывалась в московском доме Тютчевых. Эти родственные связи не оборвались и после смерти мачехи Д.И. Завалишина, и в 1863 г., прибыв из Сибири в Москву, бывший декабрист первым делом «поехал к сестре покойной мачехи, Екатерине Львовне Тютчевой».

Переходя непосредственно к вопросу о декабристах Брянщины, нужно признать, что здесь, как и вообще в характеристике участников декабристского движения, есть немало не до конца выясненных моментов, начиная с главного: кого считать декабристами? Если членов всех тайных обществ, относимых к декабристским, то многие из участвовавших в них лиц позже отошли от движения и вообще не привлекались к следствию. Если участников вооруженных выступлений в Петербурге и на Украине, то среди них были не только члены тайных обществ, но и увлеченные общим несогласием с переприсягой офицеры, не имевшие отношения к предшествующему движению. Если лиц, сосланных в Сибирь, то как рассматривать тех, к кому были применены другие меры наказания, включая перевод на Кавказ? А как быть с теми, кто, формально не вступая в тайные общества, знал об их деятельности и в чем-то сотрудничал с ними, но не был назван товарищами на следствии и не понес наказания?

Единого подхода к этим вопросам у декабристоведов нет. На наш взгляд, для характеристики декабризма в целом и разных этапов этого движения нужно учитывать всех лиц, относившихся к перечисленным категориям, естественно, не выравнивая их в некоем общем списке, а конкретно определяя степень участия каждого.

Не все однозначно и в определении круга лиц, относимых к декабристам Брянщины. Одна категория бесспорна – уроженцы тех территорий Орловской, Черниговской и Смоленской губерний, которые сейчас относятся к Брянской области. Кроме того, на наш взгляд, с некоторой долей условности к ним могут быть отнесены и те, кто не родился здесь, но достаточно длительное время проживали на этих территориях или периодически приезжали сюда.

Суммируя известные на настоящее время данные, среди участников декабристского движения нашими земляками являются: уроженец села Кабаличи Брянского уезда Алексей Иванович Тютчев (в краеведческой литературе местом его рождения

ошибочно называли сёла Хотылёво и Овстуг), уроженец села Душатин Суражского уезда Демьян Александрович Искрицкий, уроженец села Понуровки Стародубского уезда Александр Михайлович Миклашевский, уроженец села Лакомая Буда Ново-зыбковского уезда Егор Петрович Немирович-Данченко, уроженец Почепа Василий Алексеевич Перовский.

Если о трех первых основные данные можно найти в упомянутой работе В.С. Пасина, то двое оставшиеся заслуживают некоторого разъяснения. О Е.П. Немировиче-Данченко сведения очень скудны. Наиболее информативный биографический справочник «Декабристы», изданный в 1988 г. и подготовленный С.В. Мироненко, не содержит данных о месте его рождения, но называет родителей – бунчукового товарища Петра Ивановича Немировича-Данченко и Ульяну Григорьевну Искрицкую. В 1820-1821 гг. Е.П. Немирович-Данченко являлся прапорщиком, затем – подпоручиком лейб-гвардейского Измайловского полка, в 1820 г. был принят в тайное общество Ф. Глинки-Перетца, а в начале 1821 г. – в тайное Измайловское общество (в последнее его принимал А.М. Миклашевский). Однако в том же году Е.П. Немирович-Данченко вышел в отставку по болезни, а в начале 1822 г. скончался.

Материалы описей малороссийских губерний, «Русского провинциального некрополя», мемуары Л.И. Дудицкого-Лишня и некоторые другие документы позволяют утверждать, что родовым гнездом для Е.П. Немировича-Данченко было село Лакомая Буда (сейчас – в Климовском районе). Это селение, основанное во второй половине XVII в. как слобода, с 1709 г. стало владением топальского сотника Филиппа Данченко. Представители этой фамилии (с середины XVIII в. – Немировичи-Данченко, но нередко именовавшиеся и короткой первоначальной) владели селом вплоть до второй половины XIX в. Несомненно, что в нем нашел бы свое последнее успокоение и умерший, не достигнув 25 лет, Егор Петрович, но привезти его тело в родовое гнездо было, видимо, некому. Его отец, Петр Иванович, умер в 1820 г. в возрасте 63 лет и был похоронен в Лакомой Бу-

де; два старших брата (к сожалению, их имена пока не удалось установить) погибли в 1812 г. на Бородинском поле; младший брат Михаил был болен и, не дожив до 19 лет, скончался в 1822 г., вскоре после брата Егора.

В историко-краеведческой литературе, в связи с описанием парка в с. Лакомая Буда, который имел необычную форму (щита и меча), встречаются, к сожалению, некоторые ошибки. Создание парка приписывается некоему «помещику Шведу», якобы владевшему селом в начале XIX в. Приведенные ранее факты позволяют сделать вывод, что парк, вероятнее всего, создавался в 1814-1819 гг. Петром Ивановичем Немировичем-Данченко как знак памяти о воинской доблести погибших сыновей и других защитников Отечества в 1812 г. А дворянской фамилии Шведов в Новозыбковском уезде в начале XIX в. просто не было – в описях упомянута лишь фамилия стародубского купца Шведа. Возможно, потомки его приобрели после отмены крепостного права часть лакомобудских земель и устроили здесь свое имение, почему оказались косвенно связаны с парком с. Лакомая Буда. Последний же из прежних местных помещиков, Петр Николаевич Немирович-Данченко, был похоронен в селе в 1883 г. Кем он приходился бывшему члену тайных обществ Егору Петровичу – неизвестно.

Остается добавить, что в годы офицерской службы в Петербурге Е.П. Немировича-Данченко, А.М. Миклашевского и Д.А. Искрицкого наверняка сближали не только земляческие и идейные связи, но и достаточно близкое родство (матерью Е.П. Немировича-Данченко была Искрицкая, а бабушкой Д.А. Искрицкого – Миклашевская). К этой земляческой группе мог относиться и младший брат Демьяна Искрицкого, Александр, которого также подозревали в причастности к тайному обществу, но отсутствие явных доказательств позволило ему избежать ареста. Позже А.А. Искрицкий был видным военным топографом, в чине генерал-майора ушел в отставку и умер в своем имении в с. Далисичи Суражского уезда.

Что касается упомянутого В.А. Перовского, то этот видный государственный и военный деятель России был связан с Брянщиной лишь фактом своего рождения и кратким периодом младенчества. Его участие в тайных обществах (Военном и Союзе Благоденствия) также было достаточно кратковременным, а его служба адъютантом великого князя Николая Павловича и активное участие в действиях против мятежников 14 декабря 1825 г. обеспечили ему полное доверие нового императора.

Вполне возможно, что еще одним уроженцем Брянщины среди членов тайных обществ был Степан Михайлович Семенов, выходец из духовенства, в 1810 г. закончивший Севскую духовную семинарию. Фамилия Семеновых встречалась в конце XVIII - начале XIX вв. среди священнослужителей Брянского и Севского уездов, но пока обнаружить документы с достоверной информацией о родословной С.М. Семенова и месте его рождения не удалось. В 1814 г. он завершил обучение в Московском университете, где был одним из лидеров вольномыслящей части студенчества; в 1816 г. стал магистром этико-политических наук. Затем служил в Москве в чине титулярного советника, стал дворянином, но ни землями, ни крепостными не владел. В 1824 г. возглавлял комиссию по проверке фактов жестокого обращения с крепостными со стороны курской помещицы О.К. Брискорн (ее имение с суконной мануфактурой, с. Прилепы, было смежным с Севским уездом). Был одним из руководителей Союза Благоденствия, членом его коренной управы; знал о существовании Северного общества, но участия в его деятельности, вероятно, не принимал. Твердо держался во время следствия, за что и было приказано содержать С.М. Семенова закованным в ручные кандалы «на хлебе и воде». Поскольку прямой вины его доказать не удалось, в июне 1826 г. «высочайше повелено, продержав еще четыре месяца в крепости, отправить в Сибирь на службу, но без повышения чина и ежемесячно доносить о поведении». Умер в 1852 г. в Тобольске, где последние годы служил

в губернском правлении, оставив о себе добрую память и у бывших товарищей, и у многих местных жителей.

К числу членов тайных декабристских обществ, не родившихся на территории современной Брянской области, но связанных с нею значительными периодами своей жизни, следует отнести Семена Егоровича Раича, Александра Федоровича Бригена, Михаила Николаевича Муравьева и Ивана Федоровича Юрасова.

Семен Егорович Раич (настоящая фамилия – Амфитеатов), уроженец Кромского уезда, закончил Севскую духовную семинарию, но, в отличие от старшего брата Федора, в монашестве – Филарета, ставшего выдающимся религиозным деятелем XIX в. и более 20 лет являвшегося митрополитом Киевским, выбрал преподавательскую и литературную деятельность. В 1820-1840-е гг. С.Е. Раич имел определенную известность как поэт, переводчик, журналист, был руководителем литературного общества в Москве, там же преподавал русскую словесность в Московском университетском пансионе. Но еще раньше, с 1813 г. С.Е. Раич занимался в качестве домашнего учителя и воспитателя с Федей Тютчевым и оказал несомненное влияние на формирование личности будущего поэта. Был членом Союза Благоденствия, но после прекращения его деятельности в начале 1821 г. политической активности не проявлял, поэтому в период следствия над декабристами был «оставлен без внимания».

Связан с семейством Тютчевых был еще один участник тайных обществ – Михаил Николаевич Муравьев. У тетки Ф.И. Тютчева, Надежды Николаевны Шереметевой, после гибели ее мужа осталось трое детей: сын Алексей Васильевич (в будущем – член Союза Благоденствия, не привлекавшийся, однако, к следствию) и дочери Пелагея и Анастасия. Старшая из них, Пелагея, в 1818 г. вышла замуж за М.Н. Муравьева, который после отставки в чине подполковника в 1821-1825 гг. жил в имении своей жены в Рославльском уезде (с. Хорошково и сд. Лозицы – в современном Рогнединском районе). К этому времени он уже несколько лет был членом руководимых его старшим братом

Александром преддекабристской Священной артели, затем – Союза Спасения и Союза Благоденствия, причем в последней организации был членом Коренного совета и одним из авторов устава. Оказавшись в Рославльском уезде и видя тяжелое положение местных крестьян в связи с голодом, М.Н. Муравьев, пользуясь поддержкой своей тещи, Н.Н. Шереметевой, ее брата И.Н. Тютчева, некоторых других лиц, а также своих товарищей по Союзу Благоденствия И.А. Фонвизина и И.Д. Якушкина (последний вскоре стал его близким родственником, женившись на Анастасии Шереметевой), сумел оказать значительную помощь голодающим. Был арестован по делу декабристов, но в июне 1826 г. освобожден с оправдательным аттестатом. Позже вернулся на службу, занимал многие ответственные гражданские и военные должности; являясь генерал-губернатором и командующим войсками Виленского военного округа, в 1863-1864 гг. беспощадно подавил польское повстанческое движение, за что был возведен в графское достоинство и стал именоваться Муравьевым-Виленским (в революционных кругах получил прозвище – Муравьев-вешатель).

Благодаря своей женитьбе, не раз бывал на Брянщине еще один из руководителей Союза Благоденствия – Александр Федорович Бриген. Его женой стала Софья Миклашевская, сестра уже упоминавшегося А.М. Миклашевского. Главным родовым гнездом Миклашевских было село Понуровка под Стародубом. Именно здесь, после ухода в 1821 г. в отставку (формально – по болезни, а в реальности – в связи с полученным правительством доносом, где отмечалась особо активная роль А.Ф. Бригена в Союзе Благоденствия), проводил значительную часть своего времени отставной полковник, периодически выезжая то в Петербург, то в Киев по просьбе руководителей Северного общества, хотя формально в состав этого общества он, вероятно, не входил. Здесь же, а точнее, на хуторе Берёзовке близ Стародуба, он и был арестован. После двух лет пребывания на каторге А.Ф. Бриген был переведен на поселение – сначала в с. Пелым, затем в г. Курган. Вернувшись после амнистии из Сибири, А.Ф.

Бриген вновь побывал в Понуровке, но вскоре, находясь в Петербурге, скончался. Жизнь, деятельность, творчество этой очень примечательной личности были внимательно изучены сибирским историком О.С. Тальской, подготовившей к изданию в серии «Полярная Звезда» книгу, посвященную А.Ф. Бригену, которая теперь доступна всем историкам, но которую сама исследовательница, к сожалению, увидеть не успела.

Ивана Федоровича Юрасова можно было бы отнести к нашим землякам – ведь он родился в Карачевском уезде, но в XIX в. уезд был значительно больше по территории, чем современный Карачевский район. Родовым же гнездом для И.Ф. Юрасова, ставшего в декабре 1825 г. членом Южного общества, но вскоре серьезно заболевшего и отправленного в отставку с предписанием жить в своем имении, было село Давыдово (сейчас – в Шаблыкинском районе Орловской области). Здесь и проживал отставной подпоручик почти безвыездно вплоть до амнистии 1856 г. Несомненно, что по хозяйственным и прочим надобностям он должен был хотя бы иногда посещать уездный город Карачев, но документальных свидетельств на этот счет не обнаружено. В то же время на основании писем И.С. Тургенева известно, что выдающийся русский писатель был знаком с И.Ф. Юрасовым и порой охотился с ним вместе (в частности, они охотились вместе на дупелей весной 1853 г. в лесных дачах В.В. Апраксина на территории Севского и Трубчевского уездов). Еще до отмены крепостного права И.Ф. Юрасов предоставил своим крестьянам личную свободу и передал «в вечную аренду» за невысокую плату 225 десятин земли на 23 двора. Последний документ с упоминанием И.Ф. Юрасова относится к ноябрю 1863 г., дата смерти остается неизвестной.

Можно назвать и некоторые другие примеры, косвенно связывающие некоторых декабристов с Брянщиной. Так, в начале XIX в. владельцем деревень Бобылёва и Демьяничи в Брянском уезде был князь Николай Петрович Оболенский, старший брат одного из руководителей Северного общества и вооруженного выступления на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

князя Е.П. Оболенского. Еще два участника этого выступления, морские офицеры братья Б.А. и М.А. Бодиско, имели близких родственников в Трубчевском уезде. Одной из старинных дворянских фамилий Брянского уезда были Панютины, хотя к XIX в. большая их часть покинула Брянщину. Одним из декабристов, чье имя осталось неизвестным следствию, был полковник Федор Сергеевич Панютин (1790-1865), командовавший в 1825 г. Севским пехотным полком, располагавшимся вблизи мятежного Черниговского полка. Позже Ф.С. Панютин сделал успешную карьеру, стал генералом от инфантерии. Словом, считать, что все о декабристах Брянщины известно, пока что преждевременно.

Подводя итог, не будем уподобляться авторам, считавшим декабризм чуждым России явлением. Более верной представляется точка зрения уже упоминавшегося Дмитрия Завалишина: «Как недовольство, так и порицание правительственных действий во внешней и внутренней политике, выходило не из подражания и влияния чуждых идей, а было делом ... самостоятельного взгляда русских людей на русскую жизнь... Подражание же внешним примерам и образцам было только уже последующим и второстепенным явлением». Однако даже высокие цели и идеалы могут оказаться опороченными, если методы и способы их достижения не соответствуют привычным морально-нравственным нормам.

Поэтому нельзя назвать случайными такие оценки, данные известными современниками: «Нелепая трагедия наших безумных либералистов... Солдаты были только жертвой обмана» (Н.М. Карамзин); «Сто прапорщиков хотят переделать Россию» (А.С. Грибоедов); «Вас развратило Самовластье, и меч его вас поразил...» (Ф.И. Тютчев); «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» (А.С. Пушкин).

Воля всякого человека – согласиться с этими оценками или нет. Но задуматься над ними в любом случае стоит.